

Оглавление

Предисловие, в котором кое-что объясняется	5
Глава I, в которой описывается мое рождение	11
Глава II, в которой няня Сара рассказывает историю	21
Глава III, в которой происходит развод	28
Глава IV, в которой я Мари	41
Глава V, в которой я Мэри	66
Глава VI, в которой я и та и другая	128
Глава VII, в которой я ни та ни другая	165
Глава VIII, в которой происходит настоящая любовная история	186
Глава IX, в которой повторяется пройденное	217

*Моей подруге
Элизабет С. Боуэн*

ПРЕДИСЛОВИЕ, **в котором кое-что объясняется**

Отец зовет меня Мэри. Мама зовет меня Мари. Все остальные зовут меня Мэри Мари. Моя фамилия — Андерсон. Мне тринадцать лет, и я — сущее противоречие и всегда иду против течения. По крайней мере, Сара говорит, что я такая. (Сара — моя старая нянька.) Она говорит, что где-то читала, что дети непохожих друг на друга людей всегда представляют собой противоречие и идут против течения. Мои отец и мама совсем друг на друга не похожи, а я — дети, то есть их ребенок. Вот такая я. А теперь я стану еще противоречивее, потому что половину времени буду жить с мамой, а другую половину — с отцом. Мама уедет жить в Бостон, а отец останется здесь. Развод, сами понимаете.

Я ужасно волнуюсь из-за этого. Ни у кого из знакомых девочек в семье не бывало разводов, а мне всегда нравилось быть не такой, как все. Кроме того, это должно быть ужасно интересно, гораздо интереснее, чем просто жить вместе с отцом и мамой в одном доме — особенно если он чем-то похож на мой дом, где живут мои отец и мама!

Вот почему я решила написать об этом книгу — это будет самая настоящая книга, только мне придется называть ее дневником из-за отца, сами понимаете. Представляете, как будет здорово, когда мне не придется думать, что скажет отец? Конечно же, я не буду этого делать в те шесть месяцев, что буду жить с мамой в Бостоне. Но боже мой! Мне также предстоит прожить шесть месяцев с ним, но я справлюсь. Возможно, мне даже понравится. Во всяком случае, все будет по-другому. А это уже кое-что.

Ну а насчет того, чтобы написать книгу. Как я уже начала говорить, он не позволил бы мне. Я знаю, что не позволил бы. Он говорит, что романы — это пустая трата времени, если не абсолютное зло. Но вот дневник... О, он обожает дневники! Он сам ведет и сказал, что для меня будет полезно и поучительно записывать погоду и список дел на день. Приучит меня к дисциплине. Погода и список дел, представляете! Прекрасное чтение! Вот например:

«Утром светило солнце. Я встала, позавтракала, пошла в школу, вернулась домой, пообедала, час играла у Кэрри Хейвуд, час играла на пианино, еще час делала уроки. Поговорила с мамой в ее комнате о закате и снеге на деревьях. Съела свой ужин. Отец в библиотеке объяснил мне, как не быть легкомысленной и несерьезной. (Он имел в виду, «как твоя мать», только не сказал этого вслух. Необязательно говорить некоторые вещи прямо и открыто, сами понимаете.) Потом я пошла спать».

Представляете себе такой роман?! Такого я писать не стану. Но я буду называть его дневником. Да, я буду называть его дневником, пока не придет время его напечатать. Тогда я дам ему настоящее имя — роман.

И я скажу издателю, что оставляю ему возможность проследить за правописанием и поставить все эти утомительные запятые, точки и вопросительные знаки, из-за которых все поднимают столько шума. Если я пишу сюжет, нельзя ожидать, что я буду утруждать себя постоянными проверками, как пишутся слова, или постоянно суетиться, расставляя маленькие глупые точки и тире.

Как будто кому-нибудь, кто заинтересовался сюжетом, есть до этого дело! Сюжет — это главное!

Я люблю рассказы. Я придумала много рассказов для девочек — коротеньких, конечно, не таких длинных, как этот роман. Это так захватывающе — жить в сюжете, а не читать его. Правда, при этом нельзя заглянуть в конец и посмотреть, что будет дальше. Это мне не нравится. Хотя, может быть, это еще более захватывающе — не знать, что ждет впереди.

Мне больше всего нравятся истории про любовь. У отца в библиотеке много книг, очень много, и я прочитала целую кучу, даже старые глупые истории и биографии. Мне приходилось читать их, когда больше было нечего. Но вот любовных романов у него мало. У мамы, правда, есть несколько, и они чудесные, есть еще несколько сборников

стихов на маленькой полке в ее комнате. Но я их все прочитала давным-давно.

Поэтому я так взволнована из-за этой новой истории — той, в которой я живу. Конечно, это будет история любви. Моя история любви начнется через два или три года, когда я вырасту, а пока я жду, можно рассказать историю отца и мамы.

Няня Сара сказала, что, когда ты разводишься, снова становишься свободным, как и до свадьбы, и что иногда разведенные женятся снова. Это сразу же заставило меня задуматься: а что, если отец или мама либо они оба снова женятся? И я смогу все это увидеть — и ухаживания, и остальное!

Разве это не будет настоящий роман? Как по мне — да!

И только подумайте, как бы мне завидовали все девочки, которые просто живут обычной жизнью, где отцы и матери уже женаты и живут вместе и ничего интересного не предвидится. Если разобраться, не так уж много девочек получают шанс, который выпал мне.

Вот почему я решила написать об этом книгу. Я знаю, что еще молода: мне всего тринадцать. Но я чувствую себя ужасно старой, а вы знаете, что женщине столько лет, на сколько она себя чувствует. Кроме того, няня Сара говорит, что я очень взрослая для своего возраста и что это неудивительно, ведь я прожила такую жизнь.

Может, это и так. Ведь, конечно, жизнь с отцом и матерью, которые готовятся развестись, — это совсем не то, что родители, которые живут долго и счастливо. Няня Сара говорит, что это позор

и несчастье и что всегда при этом страдают дети. Но я не страдаю — ни капельки. Я даже получаю удовольствие. Это так волнующе.

Конечно, если бы я потеряла одного из них, все было бы по-другому. Но этого не случится, потому что шесть месяцев я буду жить с мамой, а потом с отцом.

Так что у меня по-прежнему есть они оба. И на самом деле, если разобраться, я бы и сама хотела, чтобы они жили отдельно. По отдельности они хорошие. Вроде этого... как он называется... зейдлицкого порошка¹, или как-то так. В общем, это такой порошок, который вы размешиваете в двух стаканах и который выглядит как вода, пока вы не сольете оба стакана вместе. А потом, господи! Он начинает шипеть и плескаться. Так вот, так и случилось с отцом и мамой. Я знаю, что будет гораздо легче, если их разделить.

Пока что я могу быть шесть месяцев Мэри, потом шесть месяцев — Мари и не пытаться быть ими обеими сразу, с перерывами всего в пять минут.

И я думаю, что буду любить и отца, и маму сильнее. Конечно, я люблю маму, и я знаю, что просто обожала бы отца, если бы он позволил мне — он такой высокий, красивый и роскошный — на публике. Все девочки просто без ума от него. И я тоже. Только дома... Ну, это так трудно — всегда быть Мэри. Понимаете, он назвал меня Мэри...

¹ Порошок Зейдлица — это общее название, под которым продавалось широко известное слабительное и регулятор пищеварения.

Но я не должна рассказывать об этом здесь. Это уже часть истории, а я пока пишу только предисловие. Я собираюсь начать завтра — сам роман, первую главу. Но я не должна говорить «глава». В дневниках нет глав, а это ведь дневник. Я не должна забывать, что это дневник. Но я могу написать главу, потому что потом это будет роман — когда он перестанет быть дневником.

ГЛАВА I, в которой описывается мое рождение

Солнце медленно садилось на западе, и последние золотистые лучи озарили мрачную старую комнату.

Так нужно было бы начать роман, и мне хотелось это сделать, но я не могу. Ведь начинать нужно с моего рождения, а няня Сара говорит, что никакого солнца тогда не было. Стояла ночь, и даже звезд не было. Она точно помнит про звезды, потому что отец ушел в обсерваторию и его нельзя было беспокоить. (Мы никогда не беспокоим отца, когда он там, сами понимаете.) И поэтому он до самого утра не знал, что у него родилась дочь, пока не вышел к завтраку. Он и к нему опоздал, потому что задержался, записывая что-то про какое-то *звездие*, о котором выяснил ночью.

Он всегда обнаруживает что-то важное об этих старых звездах именно тогда, когда мы хотим, чтобы он обратил внимание на что-то другое. А, совсем забыла: я знаю, что надо говорить «созвездие», а не «звездие», но в детстве я говорила так.

Мама сказала, что это хорошее название для них, потому что ей они всю жизнь *зазвездили*. Правда, потом сразу же сказала, что ничего такого не имела в виду и чтобы я все забыла. Мама постоянно так делает.

Так вот, как я уже говорила, отец узнал, что у него родилась дочь, только после завтрака. (Мы никогда не рассказываем ему ничего, что может его нервировать, перед едой.) А тут ему сказала няня.

Я спросила, что он ответил, и няня рассмеялась и забавно пожала плечами.

— Что же он ответил? — переспросила она. — Он нахмурился, очень сильно удивился и буркнул: «Ну и ну, черт возьми! Да, конечно».

Потом отец зашел ко мне.

Я, конечно, не знаю, что он обо мне подумал, но, судя по тому, что говорит няня, я ему не очень понравилась. Конечно, я была очень-очень маленькая, и я в жизни не видела ни одного младенца, который был бы хорош собой или выглядел бы так, как будто имеет какую-то ценность. Так что, наверное, его нельзя было винить.

Няня говорит, что он посмотрел на меня, снова пробормотал: «Черт возьми!» — и казался очень заинтересованным, пока меня не начали совать ему в руки. Тогда он вскинул обе руки, отступил и воскликнул: «Ну уж нет!» Он выразил надежду, что мама чувствует себя хорошо, а затем со всей доступной ему скоростью вышел из комнаты. Няня говорит, что на этом все и закончилось и он еще какое-то время не обращал на меня внимания.